

ΑΡΤΥΡΟ
ΠΕΡΕC-ΡΕΒΕΡΤΕ

*Посвящается
Хорхе Фернандесу Диасу,
головорезу из Буэнос-Айреса.
Братство и честь.*

Помни — проникая в душу женщины, ты начинаешь опасное путешествие.

*Ганс Гельмут Кирст «Зорге,
которого мы не знали»*

— Еще какое-нибудь оружие при вас имеется?

— Только мои руки. Но ни один таможенник на свете не возразит против этого.

*Сомерсет Моэм «Эшенден,
или Британский агент»*

Роман основан на исторических событиях, но сюжет и все персонажи вымышлены. Следуя законам беллетристики, автор позволил себе изменить некоторые второстепенные исторические детали.

1. «НОРДДЕЙЧЕР ЛЛОЙД, БРЕМЕН»

Не хочу, чтобы меня убили сегодня вечером, подумал Лоренсо Фалько.

Тем более — так.

Однако перспектива погибнуть была вполне реальна. Шаги за спиной звучали все ближе, делались все торопливей. Несомненно, гнались за ним. Пять минут назад он услышал, как позади вскрикнул курьер, падая в темноту со смотровой площадки Санта-Лузия, как с высоты пятнадцати-двадцати метров его тело ударилось о мостовую неосвещенной улочки в квартале Алфам. Теперь преследовали самого Фалько — доделывали работу.

Дорога шла под уклон, позволяя прибавить ходу, но это же обстоятельство играло на руку преследователям. Их было двое: он заметил это, когда курьер — в тусклом свете далекого фонаря Фалько успел разглядеть лишь усы и надвинутую на глаза шляпу — протянул ему, как было условлено, конверт, а через минуту, увидев незнакомцев, подал сигнал тревоги. Они бросились в разные стороны: курьер — вдоль балюстрады смотровой площадки (оттого и попался преследователям первым), а Фалько — по улице, ту-

да, где далеко внизу смутно мерцал огнями Лиссабон, раскинувшийся у подножия этого вознесенного над городом квартала, и где еще дальше под безлунным звездным небом сливалась с ночной тьмой широкая черная лента Тежу.

Путь отхода вел налево, в темноту. Готовясь к этой встрече, Фалько еще утром обследовал местность. Каждый профессионал свято соблюдает старое верное правило — прежде чем войти куда-нибудь, узнай, как оттуда выйти. Фалько вспомнил изразцовую табличку-азулежу на углу — «Калсадинья да Фигейра». На эту узенькую, круто уходящую вниз улочку вела каменная двухпролетная лестница с железными перилами. И Фалько, стремительно рванувшийся влево, схватился за них, чтобы не упасть в темноте, и слетел вниз. Улочка под прямым углом заворачивала направо и упиралась в арку — такую узкую, что двоим не разойтись.

Но шаги за спиной не стихали, а напротив — приближались. И звучали уже на первых ступенях лестницы. Сегодня я не умру, повторил про себя Фалько. У меня другие планы на вечер — с женщиной переспать, сигаретку выкурить, в ресторане посидеть. Что-то в этом роде. Так что лучше пусть помрет еще кто-нибудь. В этом пункте своих рассуждений он снял шляпу и достал из-под ленты спрятанное там лезвие «жиллетт» в бумажном конвертике. На ходу, уже возле самой арки, сорвал конвертик, вытащил из нагрудного кармана платок и, обернув им руку, зажал лезвие между большим и указательным пальцем. Заскочил в арку, там резко принял вправо, прижался к стене и замер, вслушиваясь сквозь гулкий стук крови в висках в нарастающий шум шагов.

Когда в просвете арки возник первый силуэт, Фалько проворно шагнул навстречу преследователю и справа налево чиркнул его по горлу. На темном пятне лица возникла на миг светлая полоска — это блеснули зубы в разинутом от неожиданности рте, и немедленно вслед за тем удивленный вскрик сменился предсмертным хрипом, и воздух, забулькав, вырвался наружу вместе с хлынувшей из перерезанной трахеи кровью. Тело сейчас же обмякло и мешковато осело, а потом распласталось по земле под аркой. Вторая тень, двигавшаяся чуть позади, держа дистанцию, резко остановилась.

— Что ж ты застрял там, паскуда? — сказал Фалько. — Иди ко мне.

Три секунды неподвижности. Может быть, пять. Фалько и преследователь замерли, а лежавший на земле продолжал влажно похрипывать. Наконец его спутник решился и осторожно, медленно попятился.

— Ну, где же ты? — продолжал куражиться Фалько. — Не оставляй меня так, не покидай, я вся горю...

Шаги, удаляясь, застучали чаще по мостовой и потом вверх по лестнице, пока не смолкли совсем. Тогда Фалько, по-прежнему не трогаясь с места, перевел дух, дожидаясь, чтобы кровь перестала барабанить в висках. Потом, когда унялась легкая дрожь в пальцах, тщательно оттер с них липкую, еще теплую влагу и выбросил платок вместе с лезвием.

Он склонился, обшаривая тело наконец-то затихшего человека на мостовой — пристегнутый к поясу нож в чехле, табак, спички, пригоршня мелочи. Найденный во внутреннем кармане пиджака бумажник переложил к себе. Потом выпрямился и огляделся. Вокруг не было ни души, и почти все соседние дома

тонули в темноте. Лишь из нескольких окон пробивались полосы света, да откуда-то звучало приглушенное расстоянием радио: женский голос пел *фадо*. Доносился отдаленный собачий лай. Черное небо, как и раньше, было усыпано таким множеством звезд, что казалось, будто над Лиссабоном висят полчища светлячков.

На миг он подумал, не поискать ли тело курьера, упавшего или сброшенного со смотровой площадки, но тотчас отогнал эту мысль. Ибо любопытство, как гласит старая поговорка, кошку сгубило. Жив ли курьер, слетевший с пятнадцатиметровой высоты, или — что вероятней — мертв, Фалько уже не касалось. Он знал лишь, что это португалец, по убеждениям или за деньги работавший на франкистов, и что его сообщение надо передать в генштаб, в Саламанку. Так что лучше не усложнять себе жизнь. На улице может появиться случайный прохожий, ночной сторож или местный житель, второй преследователь может по здравом размышлении двинуться по следам Фалько и расквитаться за убитого напарника. Тут ведь наперед не угадаешь. Ремесло Фалько непредсказуемо: он играет в шахматы риска и вероятностей. Тем паче что конверт, ради которого и устроили эту ночную встречу, лежит у него в кармане. Ничем больше не интересен ему этот солдат, безымянный и безликий — Фалько и в самом деле не разглядел ничего, кроме усов, — участник грязной войны, которая идет и на полях Европы, и в тылах воюющих армий, но также и в таких вот темных и грязных закоулках заграницы, как эта улочка. Бойцы гнусной армии, столь годные для гнусного дела, за которое сражаются. Шпионы, столь же безликие, как этот республиканец, что

с перерезанным горлом валяется под аркой, или его товарищ, благоразумно давший деру с места происшествия, дабы не разделить участь своего напарника. Пешки на шахматной доске, которые двигают другие.

Фалько, время от времени оборачиваясь и проверяя, не идет ли кто следом, спустился до улицы Сан-Педро. Правый висок дергало пульсирующей болью — можно не сомневаться, что подскочило давление, — и он машинально нащупал в кармане трубочку с кофе-аспирином: мигрени, от которых порой лежал пластом, теряя способность двигаться и соображать и дыша, как выброшенная на берег рыба, были его ахиллесовой пятой. Чем-нибудь бы запить таблетку, но, впрочем, это может подождать. Главное сейчас — уйти как можно дальше. И как можно скорее.

Он выбирал улицы пошире, чтобы избежать неожиданностей. Наконец оставил Алфаму позади и в мутноватом свете фонаря на улице Бакальюейруш, в сыром тумане, поднимавшемся от недалекой уже реки, достал из кармана конверт, разорвал по краю, заглянул внутрь. И удивился, увидев сложенную вдвое рекламную листовку пароходной компании «Норддейчер Ллойд, Бремен». И больше ничего. Четвертушку бумаги с текстом на одной стороне. Изображение трансатлантического лайнера, а под ним — список судов и расписание рейсов в Америку и в Восточное Средиземноморье. Он снова сунул листок в конверт, конверт — в карман и открыл бумажник убитого. Там было немного денег в португальских эскудо (их Фалько без колебаний переложил к себе), проездной билет на лиссабонский трамвай, фотокарточка молодой женщины, два удостоверения личности на разные имена, но с одинаковой фото-

графией, запечатлевшей худощавое лицо с черными, кудрявыми, редееющими волосами. Одно удостоверение — несомненно, поддельное — было на имя Жуана Нунеса, торгового агента. Другое, с грифом Службы военной разведки, с печатью Испанской республики, было выписано на имя Хуана Ортиса Идальго; его Фалько сунул себе в карман. Все прочее швырнул в мусорный бак и пошел прочь — быстро, но не торопливо, чтобы не привлекать к себе внимания.

Открывая дверь в «Мартиньо да Аркада» — маленькое кафе-ресторан с безыскусно выбеленными стенами, помещавшееся на первом этаже одного из домов на площади Комерсио, — Фалько заметил, что правая манжета у него выпачкана кровью. Вошел и, здороваясь с официантом, увидел в глубине зала, за крайним столиком у окна, Бриту Моуру, сидевшую спиной к нему. Он двинулся прямо в туалетную комнату, заперся, пустил воду и, сложив ладони ковшиком, запил наконец таблетку. Потом снял пиджак, расстегнул золотую запонку и принялся оттирать пятнышко на крахмальной манжете, покуда оно почти не исчезло. Высушил ее полотенцем, застегнул, надел пиджак. «Патек Филипп» на левом запястье показывали, что он опаздывает уже на одиннадцать минут. Это было еще терпимо, и ожидавшая его женщина не должна была пока рассвирепеть. А если все же рассвирепеет, то ненадолго.

Ощупал внутренний карман, убеждаясь, что конверт на месте. Потом обстоятельно оглядел свое отражение, отыскивая еще какие-нибудь следы недавней схватки, однако из зеркала на него смотрел привлекательный мужчина тридцати шести лет: черные,

блестящие от бриллиантина волосы зачесаны наверх, темный, идеально сшитый костюм. Он поправил и без того безупречный пробор, подтянул узел галстука. Тем временем его лицо теряло жесткость, приобретенную от многолетнего напряжения и опасностей, смягчалось, освещаясь ласково-насмешливой улыбкой, какой знающий себе цену мужчина, опаздывая на свидание, показывает, что наверняка сумеет оправдаться.

— Где тебя черти носят?! — возмущенно воскликнула женщина. — Полчаса торчу здесь одна, как дура последняя, жду тебя!

— Извини, пожалуйста, — ответил Фалько. — Задержался — срочное дело было.

— Нашел время для своих дел! А я сижу в этой дыре...

Фалько с безмятежной улыбкой обвел кафе взглядом:

— Чем тебе тут плохо?

— Да это харчевня какая-то!.. Могли бы найти что-нибудь поприличней... с музыкой...

— Мне нравится это заведение. Обслуга симпатичная.

— Что за чушь!

Брита Моура не привыкла, что мужчины опаздывают к ней на свидание. Темноволосая, с чувственным крупным ртом, с умопомрачительной фигурой, ради которой главным образом и заполнялся партер театра «Эдем» — шедшее там музыкальное ревю называлось «Не замужем и независима», — с накладными ресницами, с ярко накрашенными губами а ла́ Джоан Кроуфорд, она, как и Фалько, зачесывала свою гри-